

Несколько секунд они буравили друг друга взглядами, пока Цинь Цзуйкуан, не выдержав, первым не опустил голову. Он посмотрел на израненную грудь, к которой намертво присохла ткань. Это было одеяние внутреннего круга — светло-зеленый шелк, расшитый золотыми нитями. Теперь же благородная одежда превратилась в жалкое, грязное рубище.

Глубоко вдохнув, Цинь — прежде чем Линь успел хоть что-то предпринять — резким движением сорвал с себя пропитавшуюся сукровицей ткань. Едва затянувшиеся раны тут же лопнули, кровь хлынула с новой силой, но парень даже не вскрикнул. Сцепив зубы, он вытерпел эту пытку, а затем дрожащими руками протянул скомканный шелк Линь Яньюю.

Его плечи мелко дрожали, дыхание стало прерывистым. Казалось, он вот-вот потеряет сознание от боли, но Цинь продолжал стоять, низко склонившись.

— Прошу простить мою дерзость... — прохрипел он. — Я не смею... Возвращаю вашу мантию, старший брат.

Линь Яньюй опешил. Перед ним зияли рваные раны, из которых толчками выходила алая кровь. Смешиваясь с каплями воды, багряные струйки стекали по крепкому, хоть еще и не до конца сформировавшемуся торсу, растворяясь в Духовном источнике розовыми разводами.

Парень стоял перед ним, побледневший как полотно, покрытый холодным потом. Он напоминал бумажного змея, который вот-вот порвется под порывом ветра.

— Да ты совсем из ума выжил?! — Линь Яньюй грубо отшвырнул мантию в сторону. Окутав ладони духовной энергией, он прижал их к телу парня, останавливая кровотечение, и силой усадил его обратно в Духовный источник. — Я разве давал команду вставать? Или разрешал рвать на себе одежду? К чему эта жертвенность? Если я решил подлечить тебя в своем Духовном источнике, значит, так тому и быть. Усвоил?

— Это вы... вы спасли меня? — несмотря на гневную тираду, Цинь Цзуйкуан посмотрел с таким искренним восторгом, что Линь невольно отпрянул.

Парень заворуженно смотрел на своего спасителя.

— Но я всего лишь никчемный ученик внешней секты, — твердо, хоть и тихо, произнес Цинь. — Испортить вашу одежду — уже преступление, а пользоваться личным Духовным источником внутреннего круга и вовсе неслыханно. Если об этом узнают, на вас падет тень...

«Ученик внешней секты... неслыханно...» Линь Яньюй на мгновение лишился дара речи.

Ну конечно. Пропасть между внешним и внутренним кругом в секте была колоссальной — от еды и одежды до распределения ресурсов и власти. Здесь царил закон джунглей: сильный пожирает слабого.

Если два ученика внутреннего круга ссорились, дело обычно заканчивалось миром или вмешательством Зала наказаний. Если дрались двое из внешней секты — на их жизни всем было плевать. Но если сталкивались интересы «внутреннего» и «внешнего»... Ученик внутренней секты мог убить бедолагу-простолюдина и отделаться лишь легким выговором. У «внешних» не было ни сил, ни прав сопротивляться.

Годы такой жизни наложили свой отпечаток. В Цинь Цзуйкуане укоренились робость и привычка постоянно заглядывать в глаза сильным мира сего.

Глядя на него, Линь Яньюй почувствовал нарастающее раздражение. Не таким должен быть этот человек! Грозный злодей, Великий жрец, само воплощение ужаса — где он? Перед ним сидел запуганный кролик, а не будущий властелин тьмы.

Впрочем, разве не этого он добивался? Если Цинь останется заурядным слабаком, он никогда не станет тем монстром из романа.

Линь Яньюй понимал, что поступает корыстно. Он буквально «минирует» будущее парня. Ведь не скажешь ему: «Слышь, приятель, ты на самом деле крут до безумия! Потомок клана Цинь, жрец и всё такое. Давай, топай домой, накидывай черный плащ и начинай всех вырезать». Расскажи он такое — и его собственная голова полетит с плеч первой.

Линь тяжело выдохнул, прогоняя навязчивые мысли, и посмотрел на Циня ледяным взглядом.

— Плевать мне на то, кто и что скажет. Запомни: с этого дня ты больше не из внешней секты. Отныне ты — мой личный служка. И пока я жив, тебе больше не придется лебезить перед всяким отребьем. Твой единственный закон — это я. Понял?

Цинь Цзуйкуан долго молчал, но Линь заметил, как покраснели его глаза.

— Старший брат... Ваша милость безгранична. Я... я готов пойти ради вас в огонь и в воду!

Линь Яньюй пренебрежительно махнул рукой:

— В огонь не надо. Я — главный, ты — на подхвате. Это всё, что тебе нужно усвоить.

— Понял, — парень закивал, словно цыпленок, клюющий зерно.

— Я ухожу. Сиди здесь, залечивай раны. Через пару дней придется идти в Зал наказаний, чтобы прижать к ногтю Чэн Хуна и Чэн Жуя. Не хочу тащить тебя туда на закорках.

— Слушаюсь!

Линь Яньюй поспешил прочь. Ему нужно было найти кого-то в помощь, лишь бы не оставаться наедине с этим «будущим боссом».

Фан Дабиня он обнаружил в птичнике. Тот с воодушевлением вычищал навоз из-под облачных журавлей мастера Даньхао и даже что-то напевал себе под нос, совершенно игнорируя тошнотворное амбре.

Этот парень был себе на уме. В свое время он едва прошел отбор во внутреннюю секту и, понимая, что его талантов не хватит для борьбы за первенство, добровольно пошел в чернорабочие на Пик Алхимии. Мастер Даньхао оценил его прилежание и частенько подкидывал ученику ценные пилюли, так что по уровню культивации Фан теперь не уступал лучшим бойцам. Настоящий мастер маскировки под простака.

Услышав просьбу Линя, Фан Дабинь ни секунды не колебался и с готовностью хлопнул себя по груди:

— Старший брат Линь, не изволь беспокоиться! Присмотрю за твоим служкой в лучшем виде. Заодно и к труду приучу!

Линь Яньюй одобрительно поднял большой палец:

— Вот и славно. Пусть помогает тебе журавлиный помет убирать.

Представив себе великого и ужасного Цинь Цзуйкуана, сосредоточенно выгребавшего птичьи нечистоты, Линь едва сдержал улыбку. Пожалуй, сегодня ему будут сниться очень приятные сны.

<http://bllate.org/book/17424/1653367>